

ТЮОМОНЬ

Литературная

№4 (26) 1995 г.

Газета писателей России и Русского Зарубежья

Издается
с декабря 1989 г.

Сергей ЕСЕНИН

Письмо к матери

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж -
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечалось,
Не волнуй того, что не сбылось, -
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

1924

С.Есенин, 1925 г.

Великому
русскому
поэту
Сергею
Александровичу
ЕСЕНИНУ -
100
ЛЕТ

◆ОТКРЫВАЯ НОМЕР

Тепло и хлад октября

Несомненно октябрь - любимейшее время года у русских поэтов. Нивы давно сжаты, поля убраны и, конечно, если сентябрь не занялся, не заквасил дождями, то рачительный хозяин успел прибраться к началу октября со всеми своими делами. Польшнули изумрудными всходами озимые, засвинцовела вода в озерах и речках. А лес еще в полной своей красе, кой-где он уже осыпал листву, но по заветренным колкам и урочищам яркой, нарядной стоит осина, рдеет гроздьями ягод рябина и боярка, а уж родная наша русская береза - вся в золоте.

Зрелое время. В природе. В делах. В мыслях. В творчестве. "Люблю я пышное природы увяданье, в багрец и в золото одетые леса!" - воскликнул однажды Пушкин. Это об октябре. Еще это время, как уверяют наблюдательные люди, знатоки, одного из счастливых знаков Зодиака, Весов. Но, как известно, Весы - штукавина неустойчивая: куда они качнутся, в какую сторону? Так уж случилось на Руси, что в двадцатом столетии в октябре произошло немало кровавых исторических драм, как октябрьский переворот 17-го года или расстрел "демократами" российского парламента в 93-м. И мы с вами еще не остыли, благодаря телеящику, от тех танковых залпов по беззащитным русским людям, находившимся за стенами так называемого "белого дома", и гревшихся возле уличных костров мальчишек и стариков, восторженных девушек и суровых офицеров в запахе и отставке - тех, что пришли два года назад защитить Конституцию, погранную черномырдинами и прочей сатанинской ратью.

"Октябрь уж наступил..." Слава

Богу, нынче мы вспомнили, а два года назад было не до того: третьего октября (по новому календарю) 1895 года родился талантливейший сын русского народа поэт Сергей Александрович Есенин. Вспомнила не только Русь, но весь просвещенный мир, что нынче у поэта 100-летний юбилей. Даже не улыбочивый, тугодумный президент Ельцин подписал указ, чтоб отметили эту годовщину в культурной жизни России и всего мира. Да и трудно недоброжелателям России замолчать, обойти творчество Сергея Есенина, как это было в не столь далекое время, когда за одно только хранение есенинских сборников стихов человека подвергали самому суровому наказанию.

Да, неустойчивы Весы октября. То они вознесли деревенского юношу, пришедшего в Петроград со стихами завязанными в материнский платок, на небывалую высоту, то там же, в Петрограде-Ленинграде, отмстили ему жестоким убийством.

Вдумайтесь, всего лишь за восемь лет, что подарила Есенину судьба, поэт сумел в тяжелейшие для страны

годы написать тома прекрасных стихов и поэм, поднялся до таких высот как "Персидские мотивы" или драма в стихах "Пугачов"... Всего за восемь лет! Это нам, пишущим, пример. И укор, конечно. Как порой бездарно мы тратим время на всякие никчемные дела, на ничегонеделанье. А время неумолимо бежит: "А время гонит лошадей..."

"Октябрь уж наступил..." Это время перемен. К лучшему ли, к худшему? Куда качнутся неумолимые Весы! Нам остается, как и всем россиянам нынче, оглушенным, измученным беспределом современной жизни, надеяться.

Но взгляните на календарь, порадитесь: не хлебом единым жив человек! На календаре вечно молодой, столетний Сергей Есенин. Наша нежность, наша слава, наша боль.

Но и тогда, когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
исчезнет ложь и грусть,
Я буду воспевать
всем существом в поэте
Шестую часть земли
с названьем кратким Русь.
Слава России!

Редакция "ТЛ".

◆ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ

О матери поэта

Татьяна Федоровна была неграмотной. Но многие стихи сына знала наизусть. Она никогда не читала их вслух, а только пела, и каждое стихотворение на свой лад. С поразительно тонкой музыкальной чуткостью подбирала мотивы напевов к есенинским текстам, и мы только диву давались ее творческой изобретательности...

И. ШУХОВ.

было меня отправить в больницу, заболеть о квартире. Когда я вернулась домой, у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи топлены, и даже обед готов и куплено пирожное, ждал. На ребенка смотрел с любопытством, все твердил: "Вот я и отец!". Потом скоро привык, полюбил его, качал, убаюкивая, пел над ним песни. Заставлял меня, укачивая, петь: "Ты пой ему больше песен".

А. ИЗРЯДНОВА.

С запиской Блока

Есенин появился в Петрограде весной 1915 года. Он пришел ко мне с запиской Блока.

Стихи он принес завязанными в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунья опять читал стихи, он торопился спеть рязанские "прибаски, канавушки и страдания"... Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. Он был очарован телом со своим звонким озорным голосом, с барашком выщипанных льняных волос, - которые он позже будет с таким остервенением заглаживать под цилиндр, - синеглазый...

Исключительная память

В юношеские годы Сергей Есенин поражаешь необыкновенной памятью на стихотворные произведения: он мог наизусть прочесть "Евгения Онегина", а также свое любимое "Мцыри" М.Ю. Лермонтова.

Н. САРДАНОВСКИЙ.

Первый сын

В конце декабря (1914 г. - Ред.) у меня родился сын. Есенину пришлось много канителиться со мной (жили мы только вдвоем). Нужно

Есенин поселился у меня и прожил некоторое время. Записками во все знакомые журналы я облегал ему хождение по мытарствам.

С. ГОРОДЕЦКИЙ.

"Смешной и милый..."

В первый раз я его встретил в лаптях и в рубаше с какими-то вышивками и крестиками. Это было в одной из хороших ленинградских квартир. Зная, с каким удовольствием настоящий, а не декоративный мужик меняет свое одеяние на штiblеты и пиджак, я Есенину не поверил. Он мне показался опереточным, бутафорским. Тем более, что он уже писал нравящиеся стихи и, очевидно, рубли на сапоги нашлись бы.

- Это что же, для рекламы?
Есенин отвечал мне голосом таким, каким заговорило бы, должно быть, ожившее лампадное масло.

Что-то вроде:
- Мы деревенские, мы этого васшего не понимаем... мы уж как-нибудь... по-нашему... в исконной, посконной...

Его очень способны и очень деревенские стихи нам, футуристам, конечно, были враждебны.

Но малый он был как будто смешной и милый.

В. МАЯКОВСКИЙ.

Заботился о родных

Мне приходилось неоднократно бывать свидетелем трогательной заботы Есенина о своих родителях и сестрах. В одну из моих поездок в Москву, кажется, это было в 1920 году, отец Есенина Александр Никитич просил передать письмо сыну. Я разыскал Есенина на квартире, в Богословском переулке. Он там жил вместе с Мариенгофом. Когда я пришел, Есенин усадил меня пить чай и стал расспрашивать о жизни в деревне, об отце и матери. Мариенгоф все время молчал. Его явно тяготило мое присутствие. Я передал Есенину письмо от отца. Он его тут же прочитал. Было видно, что он рад весточке от родителей. Есенин сразу же написал ответ отцу. Вместе с письмом он передал деньги, которые просил ему вручить.

С. СОКОЛОВ.

Осень. 1923 г.

Осень. Ранним утром я встречаю Есенина на Тверской: он несет целую охапку книг: издания "Круга". Так и несет, как охапку дров. На груди. Обими руками.

Без перчаток. Холодно.

Вечером того же дня в "Стояле Пегаса" он говорит мне:

- Я занимаюсь просмотром новейшей литературы. Нужно быть в курсе современной литературы. Хочу организовать журнал. Буду издавать журнал. Буду работать, как Некрасов.

И. ГРУЗИНОВ.

"Жарко, хмельно, страстно..."

Самым ярким впечатлением от встречи с Есениным было чтение им стихов.

Он тогда ни на кого не глядел, глаза устремлялись куда-то в сторону, свисала к груди голова, тряслись волосы непокорными вьюнами, а губы уставлялись детским капризным топником. И как только раздавались первые строчки, будто запевал чуть неслаженный музыкальный инструмент, понемногу звуки вырастали, исчезала начальная хрипотца - и строфа за строфой лилась жарко, хмельно, страстно... Я слушал лучших наших артистов, исполнявших стихи Есенина, но, конечно, никто из них не передавал даже примерно той внутренней и музыкальной силы, какая была в чтении самого поэта.

И. ЕВДОКИМОВ.

"Дайте родину мою..."

Встреча с Сергеем Есениным для большинства из нас началась со стихотворения "Береза" из школьного учебника: "Белая береза под моим окном...". Впервые оно было напечатано в журнале "Мирок", в 1914 году, под псевдонимом Аристон. В то время юноша-поэт только приближался к поэтическим салонам, но уже успел заявить о себе весьма звонкой лирикой: "Выткался над озером алый свет зари...", "Сыплет черемуха снегом, зелень в цвету и в росе..." Сила и выразительность поэтического чувства быстро нашли признание благодаря удивительно сердечным и по-русски задорным, разухабистым стихам выходца из рязанского села.

Мне думается, что глубина искренности, самосознание русского человека, представленные в калейдоскопе пейзажей, картин, образов, судеб, лиц, так и остались уникальными в творческой судьбе поэта. Недаром Александр Блок был столь взволнован есенинским миром поэзии: "Стихи свежие, чистые, голосистые". Свою высоту здесь занимает стихотворение "Русь" - это исповедь о Родине, созвучная и Пушкину, и Никитину, и Некрасову:

Если крикнет рать святая:
"Кинь ты Русь, живи в раю!"
Я скажу: "Не надо рая,
Дайте родину мою".

Любовь Есенина к родной земле помогает нам осознать истинные ценности человеческого бытия - это тонкие, впечатляющие наблюдения, оценки неиссякаемой красоты родных просторов, это неповторимые поэтические образы: "Осень - рыжая кобыла - чешет гриву...", "Колесом за сини горы солнце тихое скатилось"... Это раздумья и сомненья, поиски и находки, уважение родных, близких. Однако образ матери остается неповторимым:

Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Удивительна, искренняя любовь поэта к "братьям меньшим", что как раз служит мерой человеческой доброты. Вспомните стихотворения "Табун", "Голубень", "Не жалею, не зову, не плачу", "Разбуди меня завтра рано", "Песнь о собаке", "Корова", "Лисица"... Всем памятно такое пронзительное признание:

Счастлива тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверь, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

В поэзии Есенина есть образы, которые своеобразно определяют магистральный путь развития России. Красногривый жеребенок из "Сорокоуста", скачущий по траве, стремится догнать "железного коня" - паровоз. Здесь символ первородной красоты, олицетворяющей патриархальную Русь, сравнивается с символом будущей индустриальной России, которая вывела человечество в космическое пространство.

Николай ФРОЛОВ,
председатель общества Русской культуры.

Александр Никитич и Татьяна Федоровна Есенины
- отец и мать поэта. 1905 г.

Три моих Есенина

Однажды летом, году этак в 68-м, я впервые услышал Есенина. Вернее, то, что это был Есенин, я, конечно, по крайней своей молодости не знал. Как не знали, наверное, что поют песни на его стихи блатные меднозубые парни с нашей улицы. Очень уж нравилось им жарко, с лихим вывертом синих тюремных пальцев буквально разрывать на части и без того разбитые семиструнки и сплывши от "Казбека" голосами выводить: "Пой же, пой на проклятой гитаре", или "Пей со мной, паршивая сука!" Ну и, конечно, плаксивую, наверняка считавшуюся своей, зековской, песню о матери: "Не такой уж горький я пройдоха, чтоб тебя не видя умереть".

Не знаю, пропойцами ли были простые ребята из старшего послевоенного поколения, но дожить до дня сегодняшнего почти никому из них не довелось: суровые коммунистические пятилетки укатали их на северных промыслах и в заведениях за высокими заборами, где песни Есенина были столь популярны.

Много позже, когда я определил кому принадлежат знакомые мне с детства строки, я был настолько поражен этим обстоятельством, что хотелось немедленно отыскать хоть одного из тех уличных певцов, чтобы крикнуть ему: вот, мол, смотри, никакая это не благодать, это написано в книжке и сочинил это запрещенный для нас Сергей Есенин, который и сам был парнем хулиганистым и который повесился совсем молодым. Но, увы, поделиться моим откровением было уже не с кем. Так состоялось мое второе открытие поэта.

Войдя в пору бесконечных влюбленностей и прочтя есенинские сборники от корки до корки несколько раз, я уже как-то мало обращал внимание на шокирующие строки "Москвы кабацкой", а все больше начинал понимать лиричную и трагичную - душу поэта. Прогуливая школьные уроки, я уезжал к лесному озеру, заваливался в сухую осеннюю траву и нежно читал: "Не бродить, не мять в кустах багряных лебеды...", "Хороша была Танюша", "Не жалею, не зову, не плачу..." Я ждал отлета журавлей, и журавли появлялись над головой. Я знал, что зоря над озером будет алой, и алый цвет зари ткался над озером. Есенин жил во мне и в природе.

Сейчас я открываю Сергея Есенина в третий раз. Когда страдаю от частых и мучительных бессонниц, смотрю сквозь зеркало на черного человека. Я знаю кто этот человек. Мне становится жутко, хочется распахнуть двери и выйти в ночь. Выйти и оказаться в стране, где любят и не убивают поэтов и где не убивают тех, кто чит и любит поэтов. И пусть страна эта называется Россией.

Юрий БАСКОВ, поэт.

"Нас не забудет Русь..."

Мое поколение не знало творчества Сергея Есенина. В школе его не изучали. Конечно, мы знали, что был такой поэт, но книги его были запрещены, а отдельные стихотворения, доходившие до нас, не давали истинного представления о величии русского гения. Знакомство мое с Есениным состоялось в 60-е годы, во время учебы в Томском университете. Прекрасно помню тот день. Мы, филологи и историки 2-го курса, как обычно, по расписанию, пришли на очередную лекцию по советской литературе в большую многоярусную аудиторию N 120 главного корпуса университета. Профессор (тогда молодой доцент) Николай Никитич Киселев на-

звал тему лекции: "Творчество Сергея Есенина". Это был блестящий монолог ученого! Он так вдохновенно читал стихи поэта, что мы перестали записывать, отдавшись целиком настроению Киселева. По окончании лекции студенты устроили авацию: такого, видимо, давно не было в стенах старейшего университета Сибири...

Перечитывая стихи, прозу, письма Сергея Есенина, чувствуешь его естественность. А это уже признак таланта. Деятельность поэта совершается на уровне рефлексии, т.е. на уровне сознательного и бессознательного, она проходит без всякого многотрудного размышления, а результат - бередящие душу стихи:

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
разливные бубенцы.
Неприглядная дорога
Да любимая навеки,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Известное высказывание М. Горького о природной сущности Есенина: "Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный

природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой "печали полей", любви ко всему живому в мире и милосердия, которое - более всего иного - заслужено человеком". Глубоко убежден в том, что никакая начитанность, эрудиция не дают человеку способность образно мыслить, этому нельзя научиться. И только человек, живущий среди лесов и полей, постоянно соприкасающийся с природой, мог так написать о Родине, что душу щемит и вызывает яркие ассоциации, связанные с деревней, родной речкой, лесом, полем.

О Русь - малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску...

Мне представляется, что образные сравнения как "малиновое поле" и "озерная тоска" с Русью настолько точны, что другие сравнения просто не могут отразить так сущность Отечества. Конечно, читатель может привести десятки других сравнений поэта о Руси, где есть и такие: "Златая Русь... Я покинул родимый дом, голубую оставил Русь... Ой, ты Русь, моя милая родина, Сладкий отдых в шелку купырей... Хорошо ивняком по дороге Сторо-

жить задремавшую Русь..."

В России, пожалуй, не было поэта, который мог бы сравниться в образном мышлении с Есениным:

Тучи как озера,
Месяц - рыжий гусь.
Пляшет перед взором
Буйственная Русь.

О Родина, счастливый
И неисходный час.
Нет лучше, нет красивей
Твоих коровьих глаз.

Сложные отношения были у поэта с религией. Окружение его в советское время было сплошь антирелигиозное и, естественно, это не могло не сказаться на его отношении к православию и, соответственно, на творчестве. В предисловии к двухтомнику 1924 года Сергей Есенин пишет об этом этапе в своем творчестве: "Отрицать я в себе этого этапа вычеркиванием не могу так же, как и все человечество не может смочь периода двух тысяч лет христианской культуры".

В краткой биографии, написанной незадолго до гибели, он вновь возвращается к этому периоду: "От многих моих религиозных стихов

Сергей Есенин "О Русь, малиновое поле..."

Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.

От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.

Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечи.

И вдали за рекой,
Видно за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.

Сыплет черемуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.

Никнут шелковые травы,
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, луга и дубравы, -
Я одурманен весной.

Радуют тайные вести,
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою.

Сыпь ты, черемуха, снегом,
Пойте вы, птицы, в лесу.
По полю зыбистым бегом

Пеной я цвет разнесу.

Я снова здесь, в семье родной,
Мой край, задумчивый и нежный!
Кудрявый сумрак под горой
Рукою машет белоснежной.

Седины пасмурного дня
Плывут всклокоченные мимо,
И грусть вечерняя меня
Волнует непреодолимо.

Над куполом церковных глав
Тень от зари упала ниже.
О други игрищ и забав,
Уж я вас больше не увижу!

В забвенье канули года,
Вослед и вы ушли куда-то,
И лишь по-прежнему вода
Шумит за мельницей крылатой.

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких.

ПЕСНЬ О СОБАКЕ

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых ценят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать.
И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в поля.

И глухо, как от подачки,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

Запели тесаные дроги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовня на дороге
И поминальные кресты.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.

О Русь, малиновое поле

И синь, упавшая в реку.
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Холодной скорби не измерить.
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить -
Я научиться не могу.

И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли.
Что луна там огромней в сто раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взяла я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи -
Я нисколько не чувствую боли,
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

"... Счастье есть!"

Моя первая встреча с Сергеем Есениным произошла в далекие 60-е годы, когда я, шестнадцатилетняя, училась в вечерней школе г.Серова - на Урале. Пришел в наш класс - чуть выше среднего роста, крепкого телосложения - парень Володенька Засыпкин. Девчонки в классе все в него влюбились. А у нас время-то какое было: 16-17 лет, мечты и грезы, все казалось в розовом свете. Учиться хотелось, влюбляться хотелось, впереди (так тогда казалось) только - счастье. И однажды, прямо на уроке, он подает мне томик Есенина: "На вот, дома почитай. Только никому не показывай и не говори. Он запрещен..."

И вот уж ночью, когда мои родные уснули, и тишина, и покой разлились в нашем маленьком домике, я стала читать стихи. Это было открытие для меня. Это была новая планета. Стихи заучивала наизусть очень быстро, переписывала в тетрадку. Потом читала подружкам по вечерам, сидя на завалинке.

О, верю, верю, счастье есть,
Еще и солнце не погасло,
Заря молитвенником красным
Пророчат благодатную весть.

О, верю, верю, счастье есть!
Влюбленность в поэта произошла мгновенно. Конечно, хотелось узнать: как жил, как работал, кого любил?

Прошло еще несколько лет. И вот моя первая дочь, стоя на табуретке, читает:

Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом
Точно серебром.

Счастье-то какое! Дочь моя подросла и уже стихи читает, а ей всего-то три года!

В тяжелые минуты жизни мне всегда помогала поэзия Есенина. Может быть, оттого, что сама люблю нашу зиму с крепким морозцем, зиму, жаркое лето, теплую и дождливую осень. Поэзия Есенина как бальзам на душу.

О край дождей и непогоды,
Кочующая тишина,
Ковригой хлебною над сводом
Надломлена твоя луна.

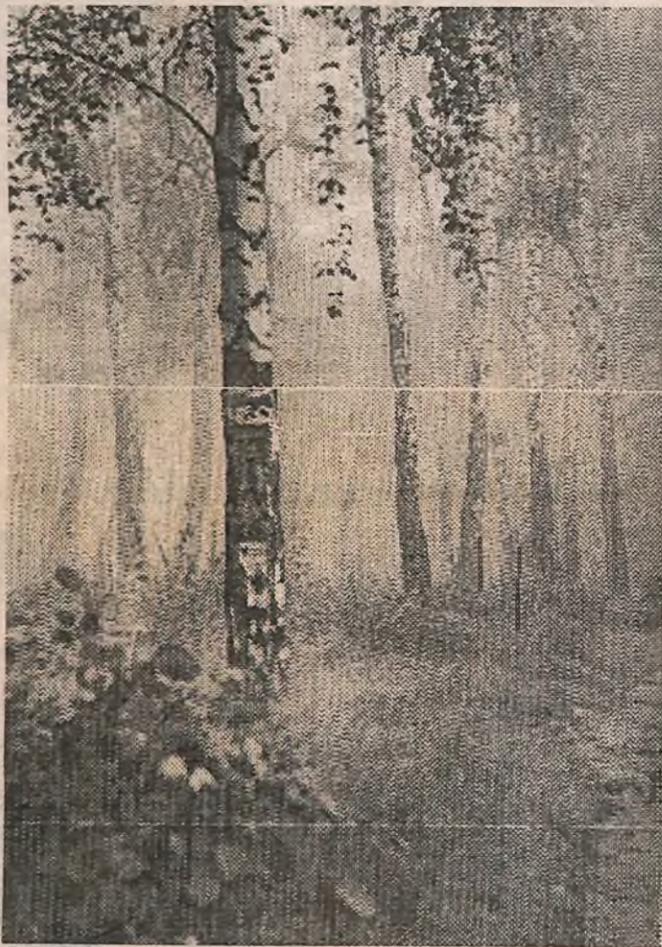
Стихи Есенина полны жизни, звуков, запахов. Луна и солнце, снег и ветер, любовь и горечь, раздумья о жизни, разочарования - все это в его стихах. Его поэзия заставляет пережить и перечувствовать свою жизнь. А ведь он сам любил жизнь и хотел жить долго. А нам много лет внушали, что он повесился. Хорошо, нашлись мужественные люди, которые сумели сказать правду о поэте.

Помню строчки Есенина из обращения к деду: "Как будто сто чертей залезло на чердак, а ты всю ночь не спишь и дрыгаешь ногою. И хочешь тебе накинуть свой пиджак, пойти туда, избить всех кочергою..."

Кочергой бы этих "биографов" поэта, которые так откровенно вралы о нем.

Поэзия Есенина - солнце и луны, ветра и шума, поэзия счастья и нежности будет жить вечно, прославляя нашу златую Русь.

Мария ТОКАРЕВА.

"В роще по березкам белый перезвон".

Люблю

Есенин... Стоит закрыть глаза и произнести это слово, как я снова в далекой юности. Даже детство мое пронизано его стихами. Нет, мне, маленькой девочке, не читали его стихи на сон грядущий. Мне просто подарили его портрет. На картонной белой открытке. И я влюбилась. Это единственный мужчина в мире, о котором я и сейчас могу сказать: люблю. Конечно же, не голубоглазого светловолосого юношу, каким он впервые мне представился, а его поэзию, его суть, его душу.

Не сохранился, к сожалению, тот альбом, в котором я собрала множество его фотографий, вырезок из газет и журналов, а потом и стихов. Но сохранилось трепетное воспоминание о тех минутах, когда я брала альбом в руки и, вглядываясь в до боли знакомые черты, шептала:

Там, где капустные грядки
Красной водой поливает восход,
Кленочек маленькой матке
Зеленое вымя сосет.

...Самые первые мои воспоминания связаны с маленьким поселочком возле дома отдыха. В нем прошло мое детство, а потом еще долгое время жила бабушка. Там, впервые, в логу, в рощице, в аллеях парка, наедине с его стихами, я познавала себя, окружающий мир.

Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после гроз,
И душа моя - поле безбрежное -
Дышит запахом меда и роз.

Пьянила и наполняла какой-то щемящей грустью его "отговорившая березовая роща". И нельзя вообще было войти в осенний лес без его стихов. Все - пронзительное синее небо, золотистая листва, отдаленные крики журавлей - все напоминало его милый образ. И суровая действительность, тоской сжимающая сердце, тоже.

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,
Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось...

Да, зима... Она пришла неотвратимо. С ранними сумерками, морозами. И наша белая береза за окном встретила ее стойко. А мы с сынишкой сидим в уютной кухне. Погасили свет, на столе - свечка. И уж Димулька мой, едва научившись говорить, с придыханием шепчет: "На пушистых ветках Тонкою каймой Распустились кисти Белой бахромой..."

Пламя свечи колыхается при каждом звуке, собирает тени на стене. А березка, вся в лунном сиянии, стучится в окошко, словно просится в дом. А мы говорим о любимом поэте, о его грусти и удали.

...Кумир детства и юности, он прошел через всю мою жизнь. Слава Богу, что дети, дочка и сын, любовь эту понесут дальше, к следующему поколению. И пусть они будут счастливее меня.

Ольга ТЮРИНА.

и поэм я с удовольствием бы отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции". И в стихах это противоречие наличествует:

Стыдно мне, что я в Бога верил,
Горько мне, что не верю теперь.

И тем не менее Есенин, как русский человек, как человек крещеный, хотел бы умереть перед русскими образами:

Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, -
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

Приходят на память некоторые параллели: религиозные русские философы П.Чаадаев и Вл.Соловьев, боготворившие католичество, в конце жизни примкнули к православию, на смертном одре исповедались у православных священников. Смею утверждать, на основании высказываний поэта, что Есенин нарочито говорит о своем равнодушии к религии, в угоду (сиюминутности) атеистической советской власти. Он ищет оправдательный мотив, чтобы не отказаться от своего наследия религиозной направленности. Религиозное чувство он

прячет от всех, но оно обнаруживается у поэта, когда он говорит об Америке. В 1917 году, еще не побывав за границей, Есенин анализирует события происходящие в Европе и Америке, критикует западную цивилизацию за материализм, атеизм и бездуховность. Америка, с ее развитой индустрией, является для поэта источником зла.

И тебе говорю, Америка,
Отколота половина земли, -
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли.

В поэме "Инония" Сергей Есенин не только пророчесствует, говоря об угрозе человечеству наступления техники, материализма, безверия, но и как выдающийся русский религиозный мыслитель (К.Леонтьев, Н.Бердяев, Ив.Ильин) сам, может быть, не сознавая, видит Русь мессианским государством. Он искренне считал, что Русь способна своей духовностью и нравственностью спасти человечество от материализма и атеизма западной цивилизации. Страна "Инония" - это Россия, и отношение к ней у поэта святое, библейское, как к матери.

Вижу нивы твои и хаты,
На крыльце старушку мать:

Пальцами луч заката
Старается она поймать.

Взгляд Есенина на западную цивилизацию не изменился после посещения его с Айседорой Дункан Германией, Америки, Франции.

В письме от 1 июля 1922 года из Дюссельдорфа А.М.Сахарову он писал: "Что сказать мне об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?.. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину".

Каких только бранных слов не удостоивается демократическая Европа и Америка со стороны поэта. Эта поездка дала возможность Есенину противопоставить две цивилизации и укрепил в мысли, что лучше его Отечества на земле ничего нет. Он подчеркивал неоднажды: "Россия - основа моего творчества. Стихи мои национальны, этим чувством живу и дышу". И хотя новизна, экзотика других стран завораживает, но лишь на какое-то время, а затем ностальгическое чувство Родины властно вторгается в жизнь поэта и заставляет искать причины возвращения в Россию.

Ах, и я эти страны знаю -
Сам немалый прошел там путь.
Только ближе к родному краю
Мне б хотелось теперь повернуть.

Россия для поэта является главным измерением человеческого существования. Личная, общественная жизнь, творчество выступают в единстве, слитности и соотносятся с Отечеством. Наверное, будущие поэты-патриоты скажут свое слово о Родине, но подняться до уровня совершенства, до уровня всепоглощающего чувства любви к России, как у Есенина, будет трудно. Поэт восхищался даже названием своего Отечества: "Россия! Россия! Какое хорошее слово... И "роса", и "сила", и "синее" что-то..." В стихотворении, посвященном памяти В.Брюсова, Есенин пророчески напишет: "Мы умираем, Сходим в тишь и грусть, Но знаю я - нас не забудет Русь".

Убежден, на любых поворотах истории, Русь не забудет своего любимого сына, гениального русского поэта Сергея Александровича Есенина. И хочется верить, никогда не предаст его забвению.

Станислав ЛОМАКИН,
доцент кафедры философии ТГИУ

БОЖЕСТВЕННЫЙ СВЕТ ПОЭТА

В пору моей учебы в Литературном институте многие первокурсники, особенно те, что родились и выросли в деревне, признавали за ИСТИННОГО ПОЭТА едва ли не одного Сергея Есенина. Преподаватели нас убеждали, что существует и другая великая поэзия, но Есенин был для нас первым среди великих.

Николай Рубцов, что учился двумя курсами старше, написал в те годы стихи о Есенине, они заканчивались такой строфой:
*Эта муза не прошлого дня,
С ней люблю, негодую и плачу.*

*Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.*

Я тогда уже несколько "переболел" Есениным, "болезнь" эта случилась раньше, когда был курсантом школы механизаторов, когда принес в редакцию газеты "Ишимская правда" тетрадку своих стихов. На мое счастье там отработывал практику студент Литинститута Костя Яковлев. Он сходу просмотрел все восемь моих стихов в тетрадке, пригласил еще одного сотрудника редакции. Это был поэт Валентин Законов, которого я знал по публикациям в областных изданиях. Они вслух читали мои неровные стихи о деревне, о полях, о хлебе, переглядывались, кивали. Услышал я и скучную похвалу. А тетрадку они оставили у себя, ничего не пообещав. Но вскоре я получил газету, где были напечатаны все мои стихи, тут же была обширная статья о том, "как в газету приходил деревенский парень со свежими стихами". А в следующий мой "приход" В.Законов спросил: "Есенина знаешь? Читал?" Я ответил, что слышал о таком поэте, но не читал. Он подал голубой томик: "Возьми; почитай!"

По дороге в школу трактористов я открыл томик на первом попавшемся месте и едва не задохнулся от восторга, от какой-то щемящей нежности и пронзительности:

*О пашни, пашни, пашни,
Коломенская грусть,
На сердце день вчерашний,
А в сердце светит Русь.*

Там я нашел и знакомую мне с раннего детства песню "Выткался над озером алый свет зари..." Эту песню в нашем селе знали и пели. Помню, я все никак не мог сообразовать такие в ней слова: "Сядем в колны свежие под соседний стог". И еще: "Унесу я пьяную до утра в кусты". Мне думалось, что тут явная несурица: если "сядем в колны", то "соседний стог" причем? Или - зачем уносить в какие-то "кусты", когда любому деревенскому парню понятно, что под колной или стогом лучше. Но все равно песня завораживала и я, помню, тоже подпевал... А тут книга пронзительной лирики! Особенно заворожила меня яркая и порой сложная образная система раннего Есенина. Потом, конечно, я узнал, что это было время увлечения поэта имажинизмом. А тогда... я вдруг сам начал выискивать в себе такие же сложные метафоры, эпитеты, сравнения.

Написал я тогда, "заболев Есениным", десятка полтора стихотворений. В книги мои они не входили, и все же нынче кажется, что они имеют поэтический интерес. Вот почему несколько стихов 1962 года мне хочется представить сегодня читателям.

Мне было тогда 18 лет. ... Стояла мокрая осень 67-го года. К нам в аудиторию второго курса Литинститута во время лекции зашла наша лаборантка Лина Васильевна и сказала, что нужны два студента на похороны Сергея Городецкого. Меня словно обожгло - это ж один из первых наставников Есенина. Я вскинул руку и поднялся. За мной встал маленький по росту Алекса Абдулаев: "Если пошел христианин, то пусть будет еще и мусульманин!"

Похороны были тихими, скромными. Поэт Городецкий пережил свое время, известность, славу. В Центральном доме литераторов было прощание и мы с Алек-

сой стояли в траурном карауле у гроба поэта. На Ваганьковское кладбище, кроме нас, помню, поехали Виктор Боков, Михаил Львов, Дмитрий Ковалев, профессор Семен Машинский, дочь Городецкого. Мы и несли на своих плечах через все кладбище к могиле длинный гроб с телом Сергея Митрофановича... А потом, не сговариваясь, все пошли к Есенину. У памятника поэту, как всегда, были люди - почитатели и просто любопытные.

Возложив цветы, я отошел со своими думами в сторону. И вдруг ко мне подошла средних лет женщина в черном платье и сказала без всяких предисловий: "Вы будете поэтом! Запомните мои слова". И так же неожиданно ушла. Поэтом-то уже себя я считал, печатался, готовил первую книжку к изданию. А еще на младших курсах Литинститута многие мнят себя гениями. Это уж потом понимают, что гений - явление эпохи, редкое дело. И все же появление этой черной женщины, ее слова - были как бы мистическими, нереальными. И в то же время сулили сладкую надежду...

Шли годы. В русской советской литературе появлялось не мало отличных талантов. Одни, вспыхнув ярко, уходили, других подручная пресса "раздувала" искусственно, а вот поэтов лирической пронзительности, подданных Есенину, и в нашем талантливом народе - маловато...

А слава Есенина шагнула далеко. Как-то, путешествуя по миру, я оказался в гостях у старых русских кадетов в столице Венесуэлы - Каракасе. С крестным Георгием Григорьевичем Волковым мы однажды зашли к председателю объединения кадетов Гняздовскому. Тот служил в фирме по продаже насосов. После знакомства, он открыл ящик рабочего стола и достал два томика - Есенина и Блока. Сказал, что это его любимые поэты, даже на работе с ними не расстается.

В другом городе, в Валенсии,

в церковной библиотеке отца Сергея Гуцаленко, я нашел первое издание драмы Сергея Есенина "Пугачев". Эту тоненькую книжечку на желтой бумаге попросил себе на память, привез из Южной Америки домой.

Еще одной историей, уже трагической, связанной с именем Есенина, мне бы хотелось завершить эти заметки.

Московский поэт Иван Лысцов, с которым мы дружили, написал книгу "Убийство Есенина" - в противовес многолетней версии о смерти русского национального гения. Он документально утверждал, что Есенин не повесился, а был зверски убит. Кстати, замечу, что у больших поэтов немало не только почитателей и друзей, но и завистников, врагов. Эта какая-то адская закономерность...

В последнюю нашу встречу 13 января 1994 года Иван Васильевич рассказывал мне, как он продавал эту книгу у могилы Есенина, читал свои стихи. Однажды его избил там, отобрали деньги, на которые, собственно, он и жил. Грозил снова, чтоб он прекратил продавать крамольную книгу и свои выступления...

В тот последний вечер нашей встречи Лысцов, выпив водки, со слезами жаловался, что у него нет сейчас в Москве друзей, перестал печататься. Я говорил, мол, Москва большой город, здесь столько возможностей, можно обрести и единомышленников. И еще виделась мне почему-то судьба и трагедия Есенина, на которого внешне был очень похож Лысцов.

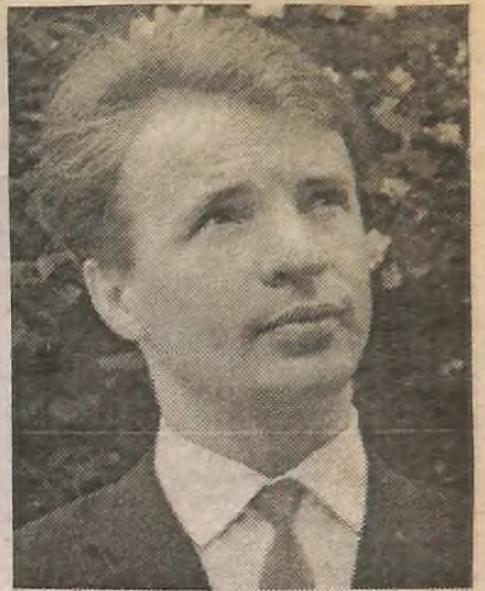
Мне надо было на Казанский вокзал. У подъезда дома мы обнялись, простились. Через несколько шагов я оглянулся, Иван стоял в сумерках, одиноко пошатываясь, разминал комок волжского московского снега...

В апреле прекрасного поэта Ивана Лысцова убили возле пруда. Говорят, вызвал его из дома знакомый голос по телефону, кто-то из "друзей".

Сколько этих "черных человек" в судьбе русских поэтов. Но остается Муза, которая "много значит".

Светлая, божественна и поэзия Сергея Александровича Есенина. В годовщину его 100-летия мы вновь отдаем ему дань признательности и горячей любви.

Николай ДЕНИСОВ.

...Еще в студенческие годы, глядясь в квартире одного из московских друзей в посмертные фотографии великого русского поэта,

я пришел к убеждению, что Сергей Есенин был, конечно, зверски убит. Достаточно поглумившись над ним, палачи затем грубо инспирировали "самоповешение" своей жертвы.

Прочитав, наконец, в одном из давних изданий разоблачительную есенинскую пьесу в стихах "Страна негодяев", которую все современные издатели трусливо избегали включать в последующие его сборники и собрания сочинений, я понял так же и то, что бесстрашный поэт не только не "вписывался" - всей своей широкой, вольнолюбивой русской натурой в представления теоретиков создаваемого ими социал-рабовладельческого государства, но и буквально взбесил созданным в произведении гротескным образом Лейбмана-Чекистова самого его "прототипа" - Лейбу Давидовича Троцкого-Бронштейна.

Несомненно, что убийство Сергея Есенина было спланировано Лейбманом-Чекистовым-Троцким. За дерзким русским поэтом денно и ночно охотились. И ритуальным убийством в ночь с 27 на 28 декабря (а по новым данным Эдуарда Хлысталова, согласующимся с утверждением эксперта - "в повешенном состоянии находился продолжительное время", - в ночь с 26 на 27 декабря) 1925 года точка на земной миссии рязанского песнопевца была поставлена.

Утром 28 декабря, в понедельник, "день тяжелейший", убийцам и их ретивым или невольным пособникам оставалось только замаскироваться, переиздаваться в доверенных людей, спутников и "друзей" поэта. Они спешили, чтобы в считанные часы, сразу после вживания в общество фальшивой версии о "самоубийстве Есенина", наброситься уже на саму память о нем. Пока не остыло тело жертвы, нужно было успеть заработать на прекрасном имени поэта, на самой его смерти и клевете на него горячие, реальные деньги...

"Номер был раскрыт, - охотно провел свой благодушный репортаж И.Оксенов. - Направо от входа на низкой кушетке лежал Сергей - в рубашке, подтяжках, серых брюках, черных носках и лаковых "лодочка". Священнодействовал фотограф Наппельбаум - спокойный мужчина с окладистой бородкой. Помощник держал справа от аппарата черное покрывало - для лучшего освещения. Правая рука Есенина была согнута в локте на уровне живота. Вдоль лба видна багровая полоса (? - И.Л.). Рот полуоткрыт... С видом своего человека (! - И.Л.) сидел Вольф Эрлих. Хлопотала о чем-то Елизавета Устинова..."

"У мертвого Есенина был найден надрез локтевого сухожилия правой руки (локтевой сустав), - "разъясняла" упомянутая в репортаже И.Оксенова жена партийного работника, троцкистствующего "литературоведа" и газетчика Георгия Устинова - Е.Устинова. - Видимо, решившись на самоубийство, Есенин хотел умереть от потери крови (? - И.Л.), надрезав сухожилие, или хотел отрезать себе отступление в жизнь..."

"Труп держался одной рукой за трубу отопления, Есенин не сделал петли, он заматал себе шею веревкой так же, как заматывал ее шарфом. Он мог выпрыгнуть (? - И.Л.) в любую минуту. Почему он схватился за трубу? Чтобы не вывалиться? Или же чтобы дать себе возможность (? - И.Л.) умереть? Может быть, он не рассчитал силы падения, когда выбил из-под себя тумбочку, и умер случайно (? - И.Л.), желая только поиграть со смертью?"

Этот третий по счету "Рассказ", поражающий нелепостью и одновременно циничностью предлагаемых "вариантов" есенинской "добровольной" игры в смерть, принадлежат перу уже самого Георгия Устинова. Он работал в ту пору в ленинградской "Красной газете", почему-то жил с супругой в той же гостинице, в какой остановился и Сергей Есенин, и первым поспешил в его номер утром 28 декабря, сразу же (или через сутки) после убийства поэта...

Конечно, схватка в есенинском "люксе" не могла не быть услышана соседями. Знал, на какую "поживу" он поспешает в эти ранние часы одного из последних дней уходящего 1925 года, и Георгий Устинов. Кстати, именно к этому своему недоброжелателю, которого иные из

Николай ДЕНИСОВ

"Нынче я заболел Есениным..."

Эх, дорога моя осенняя,
Ну куда ты меня зовешь?
Нынче я заболел Есениным,
Не уедешь и не уйдешь.

Не излечат ни друг, ни женщина,
Все земные тщеты слабы.
И не тот уж я деревенщина,
Чтоб не чувствовать глас судьбы.

Из печалей я радость выковал,
Вот уж тесно словам в груди.
Клен есенинский слезы выплакал,
Просит: только не уходи!

Эх, дорога моя осенняя...

УТРО

Знамена зари поднимает восток
И в слабой прохладе полощет,
И месяц истаял, и звезд туесок
Просыпался в дальнюю рошу.

Растекся малиновый свет по реке,
Но чудо мгновения длится.
А локон тумана висит в ивняке,
Но тоже вот-вот растворится.

И мне хорошо, я расту и дышу,
Как свеженький гриб на рассвете,
И каждому утру в восторге спешу
Излить откровения эти.

Я машинам не семафорю,
Сам дотопать хочу до цели,
С сапогами в дороге спорю,
Чтоб не жали и не скрипели.

Ни к чему мне в пути сутулиться,
Золотая томит забота:
Мне ведь тоже на нашей улице
Очень нужно любить кого-то...

1962

1962

1962

ВЕСНА

Проснулись веселые улицы,
Здрав тополей хвосты.
От солнца и лужи жмурятся,
Как мартовские коты.

Концертом скворцов, их трелями,
Разбужена глушь и тишь.
Азартно звенят капелями
Оркестры железных крыш.

Где санки? В сарай заброшены!
Утихла пурги пальба!
Сельмаг - нарасхват! - галошами
Торгует - аж пот со лба.

Вот бабы - от банки розовы,
Сошлись языки чесать.
И школьный колок березовый
Торопится воскресать.

КУЗНИЦА

Кузница копченая -
До моха, до бревна.
Железо раскаленное,
Кривая борона.
Плугов колеса смятые,
Сухой стожок угля.
Как на кресте распятая,
Под кузницей земля.
Огонь неукротимо
Полощет языки.
И выплывают дыма
Белесые клубки.
В руках тугая сила
Внушительно звенит.
Кузнечное зубило
С металлом говорит.
Чтоб жили, полыхая,
Пшеницы вороха,
Кувалда огневая
Клепают лемеха.

1962

1962

ТЕПЕРЬ

Вымыл с мылом мазутные руки,
Бросил трактор, в газету ударил.
И ношу теперь узкие брюки -
Те, которые я презирал.

И не лирика властвует мыслями,
Недосуг созерцать облака:
Пообещал меня коромыслами
Духупудовый надой молока.

Обуял еще зуд агитации,
Мое имя теперь на слуху.
С умным видом строчу информации,
Спохвачусь: ведь порю чепуху!

С тайной думой о славе, о публике,
Уж под утро зарююсь в кровать...
Хорошо еще сдобные бублики
Высылают посылкою мать.

Хорошо, когда рифмами вспенится
Непокорный - души! - уголок:
И расстел золотая поленица
Упоительных звуков и строк.

1962

пишущих о Сергее Есенине пытаются представить как его "доброе знакомое", и стучался настойчиво, но так и не достучался накануне проникновения в пятый номер группы убийц, охваченный беспокойством и предчувствием расправы поэт.

Георгий Устинов был, конечно, посвящен в планы заговора против Сергея Есенина и доподлинно знал имена его палачей. Это тем более очевидно, что спустя шесть лет после убийства поэта, в 1932 году, после того, как в частном разговоре с одним из таких же, как он сам, "доброжелателей" Сергея Есенина, он выложил всю "правду-матку" о насильственной его смерти и, вероятно, готов уже был назвать имена убийц. Г. Устинов так же был обнаружен наутро в петле со следами издевательств над ним.

Убийца нанес Есенину удар тяжелым тупым предметом в переносицу и в лоб. Поэт отчаянно сопротивлялся. Свалив на пол, его стали избивать ногами. У поэта были сломаны три ребра, отбиты почки и печень, его били в

лго до Октябрьского переворота и после него, в апокалиптические годы гражданской войны, разрухи и террора, выпавшие на жизнь и творчество Сергея Есенина и возглавляемой им плеяды "новокрестыанских" поэтов (которые также, как и сам их лидер, были поодиночке, ранее или позже, уничтожены: Алексей Ганин - 31 марта 1925, Сергей Клычков - 8 октября 1937 года, Николай Клюев - 13 октября 1937 года, Петр Орешин - 15 марта 1938 года; пришедшие в поэзию после гибели своего великого предшественника Павел Васильев и Борис Корнилов - в тот же роковой 1937 год).

В ставших известными в конце XIX века печатных программах Всемирного конгресса сионистов, в которых руководителями этого расистского, человеконенавистнического, талмудистского движения крупной промышленной и финансовой еврейской буржуазии определены стратегические планы завоевания с помощью второго - началу третьего тысячелетия своего мирового экономического и политического господства, откровенно и цинично сформулированы конкретные действия по их практическому осуществлению. Орудием воплощения своих злобных захватнических планов во

председателя петроградской "Чрезвычайной комиссии" Моисея Соломоновича Урицкого, уже достаточно "потрудившегося" на кровавом попрании истребления лучших представителей всех слоев населения захваченной заговорщиками северной столицы доселе могущественной страны, а также активнейшего функционера масонской организации Леонида Каннегисера, законспирированного под "эсера".

За десять месяцев "триумфального шествия Советской власти" по приказам Урицкого в Петрограде уже и без того были расстреляны и утоплены в каналах Невы десятки тысяч русских людей - купцов и инженеров, священников и интеллигентов, горожан всех сословий.

По примеру "революционной" власти в Петрограде еврейские комиссары в кожанках руководили резней русских, украинцев и белорусов одновременно во всех крупнейших губерньских и уездных городах вчерашней империи. Грудами лежали на скользких от крови полах в харьковских застенках заживо содранные с теплых рук схваченных жертв вывороченные человеческие "перчатки"... Ста тысячам киевлян по спискам за подписями еврей-

тыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в тесном контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма, и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния... А пока наши юноши в кожаных куртках - сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, - о, как великолепно умеют они ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию - офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!.."

Прикрывшись фиговыми листьями поборников "братства, равенства и свободы", узурпировавшие государственную власть в Советской России и установившие здесь беспрецедентный за всю историю человечества террористический режим, "научившиеся доводить дело до конца", по терминологии английского писателя - фантаста Герберта Уэлса, съехавшие со всего света в страну сионистов под маской "революционеров" и "преобразователей" без промедления взялись за свое злодейское дело.

Из русских поэтов первой жертвой устроителя сионистского "Нового порядка" стал Николай Гумилев. Вторым пал Алексей Ганин, сошедший под пытками с ума и расстрелянный в чекистском подвале. Третьим к казни был приговорен Сергей Есенин. За ним шла очередь Владимира Маяковского и Николая Клюева, Сергея Клычкова и Петра Орешина, Павла Васильева и Бориса Корнилова...

"Вина" великого русского поэта Сергея Есенина, подležавшего "высшей мере социальной защиты", то есть - смерти, заключалась не только в том, что он оказался нежелательным косвенным свидетелем по делу убийцы Моисея Урицкого - Леонида Каннегисера. Сергей Есенин был опасен для псевдореволюционеров-троцкистов и как "сердцем никогда не лгавший" величайший мастер русского стиха, виртуозный художник слова, бескомпромиссный публицист и обладающий поистине великим и бесстрашным даром пророчества, последовательный правозащитник огромной национальной опасности, которой с приходом к власти сионистов подверглась Россия. Всеобщее значение Сергея Есенина как духовного вождя русского народа стало окончательно ясным для наших врагов после появления в печати его драматической поэмы "Пугачев" в 1921-ом, а затем написания и опубликования отрывков из пьесы в стихах "Страна негодяев" в 1922-1923 годах...

За неполные восемь лет "народный златоцвет", как снисходительно наименовали его в дореволюционных петербургских салонах, Сергей Есенин проделал поистине богатырский путь как поэт и гражданин своего Отечества.

ОТ РЕДАКЦИИ. Первый вариант книги прекрасного поэта Ивана Лысцова "Убийство Есенина" был в сокращении опубликован во втором номере "Тюмени литературной" в феврале 1990 года. Какое осиное гнездо русофобов расшевелила эта публикация! Участники литературного вечера по поводу презентации газеты, где выступал и приехавший из Москвы И.В.Лысцов, помнят с каким мужеством отвечал на выпады недоброжелателей поэт, как мастерски читал свои стихи.

Иван Васильевич продолжал работать над книгой, были публикации в Челябинске, Хабаровске, Волгограде, Рязани, Ленинграде, затем в N 10 журнала "Молодая гвардия" за 1990 год.

"Убийство Есенина" стала последней книгой русского поэта Ивана Лысцова. В апреле 1994 года он был зверски убит "неизвестными" подонками. Отдельным изданием книга вышла в МХП "Набат" в 1992 году.

НЕГОДЯИ И ПАЛАЧИ

(Из книги "Убийство Есенина")

пах. Поставив стулья на стол и тумбочку, палачи подняли потерявшего сознание Есенина под самый потолок и привязали его к трубе парового отопления. Ввиду большой высоты петля из чемоданного ремня была наскоро перекинута вокруг головы жертвы и не захлестнута. Очнувшись, Есенин попытался освободиться от нее и подтянуть голову выше. Для этого он левой рукой сдвинул ременный круг с шеи к подбородку, а сзади к затылочной части головы. Правой рукой поэт при этом судорожно схватился за вертикальную трубу, подтянувшись слегка и удерживаясь на весу... Здесь силы оставили его, и, истекая кровью, Есенин скончался, так и держась оконечнейшей правой рукой за еле теплющую или вовсе холодную металлическую вертикаль... Налетчики перерыли все личные вещи поэта, похитили его рукописи, в том числе, вероятно, и рукописи не известных нам до сего времени произведений. Бандиты вышли из комнаты так же, как они и проникли в нее: при помощи воровского слесарного приспособления, позволяющего открывать и закрывать замок с находящимся внутри него ключом, или через окно в соседнем, заранее подготовленном номере...

У всякого патриота, обладающего повышенным чувством любви и ответственности за судьбы своего русского Отечества, здесь, естественно, возникают два вопроса: кто же все-таки был фактическим руководителем и координатором участников заговора против Сергея Есенина и кто - главарем налетчиков и непосредственным убийцей поэта? По логике вещей, исполнителем воли Троцкого в его решении расправиться с Есениным, а также координатором всех участников злодейской акции мог быть только Лев Сосновский - чекист и личный доверенный сперва предреволюционных, а затем и наркомовенора Троцкого, организатор убийства 16 июня 1918 года в подвале дома Ипатьевых в Екатеринбурге последнего русского императора Николая II и всей его семьи и прислуги, "картофельный журналист" и личный враг великого поэта. В роли убийцы можно подозревать исключительно Якова Блюмкина, одного из руководителей ЧК, любителя сионистов и самого Троцкого, в прошлом террориста и убийцу немецкого посла Мирбаха, преследовавшего Сергея Есенина буквально по пятам и угрожавшего ему револьвером еще в сентябре 1924 года в гостинице "Новая Европа" в Баку, в бытность пребывания поэта на Кавказе. Необходимо также до конца выявить злобную роль агента ГПУ Вольфа Эрлиха, как платного наводчика убийцы и его банды на есенинский номер в ленинградской гостинице.

В связи с раскрытием в годы гласности чудовищных преступлений троцкистов против русской культуры - убийством ими великого русского поэта Сергея Есенина, всем своим послереволюционным творчеством как бы ударившего в набатный колокол о всеобщей национальной опасности, нельзя не сказать здесь так же и о том, что это злодеяние органично следует из глобальной политики сионистов-псевдореволюционеров, с самого начала Октябрьского переворота проводивших и до настоящего времени проводящих всесторонний геноцид в отношении великого русского народа и его государственности. Поэтому для выяснения читателем всех обстоятельств, предшествовавших убийству поэта, которое, без всякого сомнения, имело резко политический характер, необходимо оглянуться назад, в глубь истории, и вспомнить, что же происходило в мире и в самой России задолго

до Октябрьского переворота и после него, в апокалиптические годы гражданской войны, разрухи и террора, выпавшие на жизнь и творчество Сергея Есенина и возглавляемой им плеяды "новокрестыанских" поэтов (которые также, как и сам их лидер, были поодиночке, ранее или позже, уничтожены: Алексей Ганин - 31 марта 1925, Сергей Клычков - 8 октября 1937 года, Николай Клюев - 13 октября 1937 года, Петр Орешин - 15 марта 1938 года; пришедшие в поэзию после гибели своего великого предшественника Павел Васильев и Борис Корнилов - в тот же роковой 1937 год).

В руках современных государств имеется великая сила, создающая движение мысли в народе, - это пресса. Роль прессы - указывать якобы необходимые требования, передавать жалобы народного голоса, выражать и создавать неудовольствия. В прессе воплощается торжество свободоворения. Но государства не умеют пользоваться этой силой, и она очутилась в наших руках. Через нее мы добились влияния, сами оставаясь в тени, благодаря ей мы собрали в свои руки золото, не видя на то, что нам его приходилось брать в потоках крови и слез... Но мы откупались, жертвуя многими из нашего народа. Каждая жертва с нашей стороны стоит тысяч гоев перед Богом".

Паразитируя на здоровом теле коренного населения страны проживания, вербуя в ряды активных функционеров по проведению своих замыслов лиц еврейского происхождения и юдофилов, для достижения своих целей сионисты использовали и продолжают использовать любое гуманистическое учение, а также естественную тягу ко всяческому рода послаблениям, к демократии и истинному народовластью, присутствующую всегда в обществе. В наиболее выгодной степени, отвечающей черным планам сионистов, подходило распространяемое по Европе учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса о коммунизме и "ведущей" роли рабочего класса при его построении.

В исследовании "Россия и русское еврейство", опубликованном в книге "Россия и евреи", вышедшей в 1923 году в Берлине, публицист И.М.Бикерман сравнивает "догматы веры" еврей-сиониста и еврей-большевика:

"Они с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира...; один и другой имеют каждый свою обетованную землю, которая течет млеком и медом. Это единство схем накладывает удивительную печать сходства на мышление, обороты речи и повадки сионистов и большевиков..."

Тем невозможной оказалось трудовому люду за речами и делами "большевиков" разглядеть личину и кровавые планы новых господ - международных разбойников-сионистов.

Последовательно и целеустремленно следуя своим дьявольским разработкам, захватив в октябре 1917 года под видом "революционеров", якобы радеющих исключительно о "благее народном", в бывшей Российской империи государственную власть, сионисты решили прежде всего лишить великий русский народ той его первенствующей, державообразующей роли, которую он выполнял в многонациональной державе на протяжении многих веков. Для этого требовалось сначала обезглавить, а затем и ополовинить численность русского населения страны. Чтобы достигнуть намеченного, необходимо было немедленно развязать в многомиллионном славянском племени, объединяющем великороссов, украинцев и белорусов, братоубийственную гражданскую войну. Для ее развязывания сионисты задумали принести в жертву своего видного функционера -

Розы Шварц и латыша Мартина Лациса разложили головы кувалдами. Сионистские истязатели Вихман и Дейч самолично вытягивали "адскими машинками" жилы у несчастных, распиливали двуручными пилами детей на части, вспарывали ножами животы беременным женщинам и бросали живыми в судовые топки на морском рейде в Одессе государственных служащих русских корабельных компаний...

Но это была только прелюдия к многолетней кровавой Варфоломеевской ночи, опустившейся над Россией.

Для раскручивания маховика истребления русских "гоев" на "законном", юридическом основании исполнителем чудовищной в ее иезуитской изощренности провокации был избран молодой еврей Леонид Каннегисер. В качестве "активной" жертвы, которая должна была стоить не только "тысяч гоев перед Богом", но и многие десятки миллионов русских жизней, он приносился с уже имевшимся у него "прокурским" алиби. Еще в бытность пребывания двадцатилетнего Сергея Есенина в Санкт-Петербурге весной 1915 года, этот "обожатель" творчества будущего великого русского поэта навязался к нему в "друзья". Теперь этому страшному человеку, наделенному поистине мифистическим обликом, утонченно-нервному и одновременно беспресловенно покорному своему антирусскому "сенедриону", вменялось сыграть примитивную роль "народного мстителя" за злодеяния палача петроградской "Чрезвычайки" Моисея Урицкого...

Как видим, с самого начала творческого пути над великим русским поэтом довлеет некий абстрактный, а вполне определенный, конкретный, свирепый и неустрашимый рок. Русская муза и ее приверженцы с первых же своих самостоятельных шагов по родимой земле берутся сначала под "всевидающее око" негласного, "дружеского" надзора осведомителей, провокаторов, стукачей, а там и на мушку неотступного, неумолимого в своей карающей холодности, пистолета или наладонного кастета...

... И так, 17 (по новому стилю 30-го) августа 1918 года выстрелом Каннегисера в Урицкого был дан старт официальному "красному террору" в России. Известно, что накануне своей ритуальной акции масон-исполнитель звонит по телефону массону-жертве, договариваясь с ним о встрече. Не было ли это заблаговременным "уведомлением" одного другому в необходимости неукоснительно предстать во имя грядущего уничтожения миллионов "гоев" перед иудейским Богом, как это предписывается самой программой сионистов?..

Пуля Каннегисера достигла сразу двух целей: во-первых, ликвидировался очередной влиятельный свидетель "строителей храма Соломонова" в их непрерываемом, многовековом, ступенчатом восхождении на мировой престол; во-вторых, приводился в действие правительственный механизм умерщвления новых миллионов граждан многонациональной страны, избранной международным сионизмом в качестве очередной и, пожалуй, самой главной подопытной жертвы.

Какой именно "Новый мир" принялись "созидать" захватившие страну ненавистники русского народа, в полной мере могут объяснить вот эти откровения Троцкого, приводимые в изданиях на Западе и у нас (с изъятиями цитируемого ниже) "Воспоминаниях" Арона Симановича, активного деятеля центральных сионистских организаций в России, ювелира Двора Его Императорского Величества, личного секретаря царского врача-терапевта Гр.Распутина: "Лейба Давидович Троцкий, который стремился к развалу величайшей в мире державы - России, по этому поводу говорил: - Мы должны превратить ее (Россию) в пус-

Сестре Рите, брату Толе, сверстникам их, 12-13-летним солдатам тыла, многих из которых уже нет на земле, - посвящается.

По сей день, лишь стоит закрыть глаза, он снова летит и кружит, густым белым пухом осыпает крыши изб и траву, оседает на речке и в колеях дорожных снегов моего детства. И встают в памяти теперь уже далекие, прикрыты туманом времени дни, и оживают полузабытые и оттого еще более дорогие лица.

Вот, помню, хмурый майский вечер незадолго до окончания второй мировой войны. Лесная деревня наша окутана весенним туманом. Вязкая сырость его мешается с печными горьковатыми дымами, с пресным запахом талого снега и полой воды.

Дверь бани и полевые ворота подворья приоткрыты, баба Настя сидит перед каменной на пороге, раздувает разгорающуюся лучину, мы с беженкой Валькой носим из поленницы березовые дрова.

Девки, сбегали бы в сколок за речку, матушки. Соку б березового принесли.

В березняке так же, как на лугу и в полях, блестят лужи, по-весеннему яркие стволы деревьев, наши волосы, платья и пальтишки, - все покрыто мельчайшим седым бисером. Мы перебегаем от дерева к дереву, подставляем под свежее засечки посуды, Валька - солдатскую фляжку, я - туесок.

Валька Павлюк, украинка, бледная молчаливая девчонка с темными нервно-косящими глазами, появилась с матерью в нашей Ольховке прошлым летом, когда в городах стало особенно голодно. На постой их определили к нашему соседу, бобылю Ванеке. В погребу у него конюха еще оставались прошлогодняя репа и картошка.

Туман сгустился, мы вышли на опушку. Солнце потеряло очертания и было похоже на багровое зарево. На дороге, перед спуском в поросший елками Крутой Луг, стояли человек и лошадь. Узнав мать, Валька с радостным криком помчалась к подводе. На Галине, как всегда, серая стеганка, клетчатый полушалок, грубые мужские сапоги. Запряженная в дрожки белая лошадь с черной спутанной гривой запаленно поводила потными в желтоватых подтеках баками. Галина взмахнула вожжами, хмуро посмотрела на раскисший отвороток дороги, что тянулся от лога к недалекому кладбищу. Белая лошадь стояла понуро, не шевелясь, потом вскинула худую гривастую голову, оглянулась на кладбище и пронзительно заржала.

- Конюха Ивана забыть не может, - Галина снова помохала вожжами.

- Он по траву завсегда на ней ездил. И нас часто брал по яго-

ды, - я положила фляжку и туесок в ивовый короб, почти доверху наполненный мякиной. Худые ноги Шайхулы задвигались, дрожки с трудом съехали с места, налипшая к колесам грязь отвалилась.

В логу туман был еще гуще. Лошадь снова встала. На этот раз ее пугала залившая мостик и дорогу вода. Шайхула, казалось, напирала на хомут всем своим костлявым телом, но дрожки не двигались. Почти забирая в сапоги, Галина зашла сбоку и ударила ее концом вожжей. Шайхула дернулась, задние ноги ее провалились. Она осела на них, широко разведя передние.

Галина начала было распрягать упряжь, потом подхватила нас с Валькой подмышки и, перетащила через поток.

- За народом бегите! Скажите, мост размыло...

Скользя раскисшими ботинками по грязной дороге, мы изо всех сил побежали в деревню.

Примчались школьники и молодая конюшница Граня. Шайхула, уже распряженная, лежала в водном потоке, и он, перекачываясь, слизывал желтую пену с острого хребта ее. Белая голова лошади с запавшими темными глазами напряженно держалась еще над водой.

Граня взяла вожжи из рук Галины, ребята протянули их под брюхо лошади и начали поднимать. Почувствовав, что ей помогают встать, лошадь вскинула мокрую шею так, что на ней разом вздулись широкие вены, и тихо заржала.

- Да помогите же! Помогите-те-ээ! - срывающимся от волнения голосом крикнула Галина, и, ухватив руками уздечку, начала поднимать голову лошади. Лязгнули удила о сжатый оскал зубов. Тело лошади несколько раз судорожно дернулось, и она затихла.

Галина громко заплакала. Ребята вытолкали из воды дрожки и разбежались по домам сушиться. Мы стояли и тупо смотрели на бурлящую снеговую воду. И жутко было видеть, как терзаемые потоком, мечутся на воде, то всплывая, то погружаясь черная грива и черный хвост лошади.

Я впервые увидела смерть, смерть от истощения, от голода, который всю зиму мучил людей и животных. Чувство отрешенности усиливал и глухо накрывший нас плотный туман. Казалось, мы не на дне оврага, а где-то глубоко-глубоко, в холодном и мокром колодце, из которого кричи - не кричи, ни до кого не докричишься.

Сумерки быстро густели по углам избы, смутные тени от качающихся тополей колыхались на занавесках. Мы с Валькой сидели на печи, отогревали промокшие ноги. А перед глазами все еще стояло только что увиденное и хотелось плакать, было жаль Ванеку и его лошадь. Наверно, в эту минуту мы думали об одном: какую злую, голодную зиму только что пережили.

Мне почему-то вспоминался вечер накануне лютой метели, что унесла на одну жизнь в округе и стала причиной гибели Ванеки. Все время стояло перед глазами его худое большеносое, истонченное голодом и морозом лицо. То была наша последняя встреча...

В феврале темневшие в снежных полях стога вывели на фермы. Во многих дворах ревела голодная скотина. Мы с сестрой Ритой, иногда с Валькой, как и другие ребята, брали большие санки, мешки, веревку и шли по насту собирать омет, сennую труху на месте бывших зародов. Стояла безветренная погода, ничто, казалось, не предвещало беды. Однажды мы с Валькой, обшарив в поле не одно остепье, возвращались домой с пустыми руками, завернули к колхозному стожку, что стоял вблизи конного двора, за санным и тележным сараем. Мы без слез не могли смот-

реть, как ревела наша голодная черно-белая корова Дунька. К тому же приближался март, значит, масленица. Нас подогревало желание поест в масленицу овсяно-картофельные, тягучие, как резина, лепешки с мороженым молоком. К масленице мать намораживала в чулане в плоских чашках молочные кружки. Не стоит рассказывать, каким редким деликатесом в те голодные годы считали мы, шестисемилетние ребята, мороженое толченое молоко.

Казалось, ноги сами принесли нас к стожку. Подрулив большие санки к самой изгороди, мы, не сговариваясь, нырнули под жерди. Царапая из стожка грубое, из осеки, заледенелое сено, так увлеклись,

жевать мешанину. Дед смазал ранки на шее и спине лошади, на тех местах, куда надевают хомут и седло.

- Это Рыбка. Рита на ней в прошлом году боронила.

- На такой-то ка-лан-че? - с сомнением уставился на меня Валька.

- А как она на нее забиралась? - Как, как? С телеги. До войны Рыбка была выездной лошадей. Отец в скачках на ней призы брал. Не веришь, спроси. Об этом все знают, потому Рите и дали.

Дед связал в косу длинную неухаженную гриву, погладил лошадь по тощим бокам. Иссеченные морщинами щеки его были влажны. На дверце соседнего стойла дегтем было выведено "Шайхула". Немой

вошел, прикрыв за собой дверцу. Теперь нам сквозь щели двери видна была понуро опущенная белая голова лошади с черной косматой гривой. Шайхула висела на вожжах.

- На рогоже подтянули, чтобы стоять легче было. Тоже с лесозаготовки вернулась, - бросив солому к стойлу, сказал подошедший подросток.

Дед пытался накормить лошадь, но та понуро отводила морду в сторону. Глухо

застонав, Ванека прижал к голове лошади темное обветренное лицо и долго стоял так, глядя ее шею. И странно, было что-то общее между этими надорванными тяжелой работой и голодом лошадьми и безмолвно страдающим от жалости к ним, тоже изнуренным трудом и заботой старым конюхом.

- Как Шай-ху-ла зар-жа-ла, - плачет на печи навзрыд Валька. Темные глаза ее стремительно наливаются мраком и сильно косятся. Так обычно начинается у Вальки приступ. В свои семь лет она не раз побывала уже под бомбежками. Чуть отвлеч ее от горестных мыслей, я начинаю рассказывать.

- Послушай. Послушай... Прошлой весной, когда Рита боронила на Рыбке... вот что случилось.

- Опять про вол-ков. Не хо-чу! - истерично кричит и машет на меня руками Валька. Опять страшное?!

- Нет, я хочу рассказать, какие умные кони...

- Ко-ни? - тынет Валька, несколько успокаиваясь... - Коней я люблю.

- Боронили они прошлой весной на Тигинских еланях. Помнишь, куда прошлым летом возил нас дед по малину на вырубку.

- Верхом ездили?, - уточняет Валька.

- Верхом. Девчонки садились на лошадей с телеги, мальчишки сами взбирались.

Примерно так, сидя на печи, я рассказывала в тот пасмурный вечер Вальке. Но и сейчас, когда вспоминаю об этом, отчетливо видится мне чуть парящее после весенней вспашки, размытое вешками поле у Тигинских еланей. Зеленые полянки и пологие ложки вдоль тихой ивовой речки. Одинокая старая липа у проселочной дороги.

То была первая рабочая весна Риты. Вставала теперь сестра вместе с Толей и матерью с зарей, выезжали, как говорили в деревне, по солнышку. Отряд бороноволоков, всем по двенадцать, Рита самая младшая, день рождения у ней осенью. Утром пахари и бороноволоки на конном дворе по холоду запрягали две телеги под строгим контролем Ванеки. Пахари кляли зброу в одну, бороноволоки - в другую. Поочередно кто-нибудь запрягал своего коня, остальные ехали верхами. В поле ставили свою телегу под старую липу у дороги, впрягали коней в постромки, цепляли бороны и ездили целый день по загону один за другим. Жалея надорванных лошадей, чаще шагали в ряд с бороной по рыхлой, а порой и влажной пашне. Походи-ка

целый день под печным солнцем. Добираясь до елового леса, выбрав сухую полянку, отдыхали, а порой, обессилев, потные падали плашмя на еще плохо прогретую землю. Чаше других новички: Рита и пятнадцатилетняя блокадница из Ленинграда Соня. Обе и заболели воспалением легких, но это случилось уже в конце весны. А в один из первых дней, неопытная, обессилевшая сестра, легла в пологом ложе на пашню, отпустив лошадь пасти в лесок, и уснула. Когда очнулась, кобылы на вырубке не было. В холодном ознобе (в войну в наших лесах развелось очень много волков), долго бегала по леску, пока кто-то из мальчишек не указал ей на крутой ложок у речки.

Перепуганная сестра изо всех сил пустилась к лошади, от волнения ухватилась за вожжи и резко дернула. Всю ее тут же словно током прошибло: лошадь, блуждая по лужайкам, перевернула борону и теперь, пытаясь, наступила задней ногой на зуб бороны. Что испытала сестра в эти минуты: страх, смятение, боль, отчаяние?

На плач и крики ее сбегались бороноволоки и пахари с соседнего загона, первым, конечно, брат. Узнав по голосу сестру, Толя потом рассказывал, пока бежал, мерещилось разное, может, думаю, с лошади сестра упала и изувечилась, может, сама под борону угодила.

Много раз потом Рита и Толя, который всего-то года на полтора был старше, рассказывали об этом дне. И мы, мать, баба Настя и я, слушаем их, будто сами видели все: еловый сколок и свежую пашню, журчащую неподалеку ивовую речушку и перепуганных ребят. И то, как врачевали: кто держал лошадь за уздечку, кто уговаривал, глядя по тощим бокам и шее, кто освобождал ногу от бороны. Оба отряда решили: дать кобыле до вечера отдых, бригадир и конюхам пока не говорить, а лечить самим, дедовским способом - мочой. Кто до этого додумался? Тогда, в войну, подростки были взрослее нынешних, даже мы, малолетки, знали, как оказать первую помощь. И потому, когда к вечеру у лошади поднялся жар, девчонки начали привязывать к ране чистые попухи.

Обычно баба Настя обеда брату и сестре завязывала в чистые марлевые платки - несколько вареных картофелин и морковок, чекушку локофа и лепешку. Толя быстро развязал узелок сестры, помочился за кустом на марлю и, сложив ее в несколько раз, осторожно привязал чьим-то платком к ноге лошади. Целый день бороноволоки-девчонки меняли повязку, и ни разу кобыла никого из них не лягнула. Она лишь поворачивала морду, тихо смотрела на них своими темными, запавшими от боли глазами. Изувечить в войну рабочую лошадь - за это могли и судить, будь то работник постарше. Все это понимали. Но обошлось. Сестра говорила, что после этого случая Рыбка стала даже намного послушнее, словно она понимала переживание погонщицы.

Баба Настя в тот вечер, прихватив из дому чистые тряпки, травы и марганец, отправилась на конный. Дегтем и травами они с Ванекой вдвоем успешно закончили лечение, и скоро Рыбка снова стала в строй. "Лошади умные твари. Мы все лошадиники", - любит повторять Толя, пересказывая какую-нибудь, слышанную от отца историю. Да он и сам не раз убеждался в этом. Однажды, угнав жеребят пасти в ночное, они столкнулись с волками. Трое подростков и глухонемой конюх до свету отбивались от голодных волков горящими головешками. Страшна была та июльская ночь. Пришлось, спасая табун жеребят, спалить целый кабан сена. Двоих не уберегли. Сколько разговоров было об этом потом в деревне...

"Мы лошадики - все в отца", - этими словами, заканчиваю и я свой рассказ.

Ялта-Тюмень.

Раиса ЛЫКОСОВА

ВЕСНА ДАЛЕКАЯ

Из повести

что не слышали, как подошел немой Ванека. Узнав нас, он сердито нахмурил брови, промывал что-то осуждающее, собрал нашу добычу трехрогими деревянными вилами, уложил на санки и, кивнув головой, приказал идти за ним на конный. Зажав в красных от мороза кулаках пучки мерзлого сена, забыв в страшном смятении о варежках (они так и остались лежать на снегу у стожка), мы с Валькой двинулись следом. Открыв длинную конюшню (в ней жили жеребята) немой зажег висевший на стене керосиновый фонарь, поднял его над нашими головами, снова осуждающе покачал головой. Повесил фонарь на длинный крюк, собрал с санок сено деревянными вилами и понес к ларю, что находился у противоположной торцовой стены.

Пока немой, шагая по дощатому коридору между загородками, нес сено, жеребята, как по команде, выстраивались вдоль изгороди, тесня друг друга тянули к нему головы, тоненько ржали и всхрапывали. Появляющаяся по глаза черной суконой шалью конюшница Граня готовила около ларя из соломы и сена мешанку. Разносо охапками мешанку, она свободной входила в загородку, хлопала жеребят по тощим бокам, гладила узкие морды.

- Разве жеребята едят солому? - поинтересовалась Валька.

- Едят мешанку, - подозрительно оглядев наши покрасневшие лица и покрытые трухой санки, ответила Граня. - Они ране в таком возрасте матку сосали. Теперь обрат с молокозавода и то редко возят.

- Обрат?!

- Потому что молока у кобыл не стало. Откуда с соломы быть. Сена кот наплакал. Последний стожок почали. Во-он, идите-ко в старую конюшню, посмотрите какими кони с лесозаготовки вернулись, - Граня сняла из ларя в ведре вареную картошку с мякиной, банку с дегтем и, открыв деревянное стойло, вошел. Мы заглянули в полуоткрытую дверь. Длинная буланая кобыла, пытаясь подняться, мотнула несколько раз головой и осталась лежать. Подошли молодые конюха-подростки, помогли лошади встать, дед отбросил со лба черную гриву, пододвинул ведро. Лошадь раздула сизые замшевые ноздри, начала

Полуночь 7 ноября Изот Чагин встал в предвкушении праздника, чему законным основанием служило красное число на открытом календаре. Встал и, поцарапывая грудь, прильнул к окну.

- Погляди в свое окно - все на улице красно! - продекламировал он с чувством, хотя на улице-то было вовсе не красно, не ало, даже и не розово, а белым-бело от свежего, ночью выпавшего снега.

Дурачась от избытка теплых чувств, он мимоходом чмокнул жену в ухо и под ее довольное бурчание вышел налегке во двор. Постоял, полюбавшись чистым оснежением и расправил плечи...

Через полчаса, выбритый, умытый, сел за стол и выжидательно глянул на жену. Тоже на законном основании. Но жена вдруг проявила нерешительность:

- А может быть, Изоша, без стопки обойдешься?

- А почему без стопки? - удивился он. - Праз-

...На фронте белого фасада телестанции, где Изот работал уже два десятка лет, не было сегодня громоздкого портрета Ильича. Вместо Ильича там был прибит рекламный щит с крупной броской надписью: "Фирма гарантирует высокие проценты!" Железные ворота закрыты на засов. И так же, как на площади, - ни флажка, ни транспаранта. Ни души на территории. Ни малейшего намека на очередную годовщину!

- Сволотун какой-то!

Обычно в день 7 ноября с утра на телестанцию сходил персонал. Монтеры и механики в ожидании команды на построение в колонну по двое и по трое "ныряли" втихаря в Красный уголок или в пристрой к завхозу. Оттуда то и дело их изгонял парторг Петрович и как бы в наказание за в неурочное "общение" обременял знаменами, портретами вождей и основателей, а особо провинившихся - для связки - транспарантами. Изот всякими неправдами избегал хождения в колонне, предпочитая с сыном на плечах и бок о бок с женою наблюдать со стороны.

Через раскрытые ворота оживленный персонал по парторговской команде вливался в об-

- Не выходной, а праздник, - поправил Изот Чагин. - Чего сидеть-то сиднем по домам? Придет время - насидимся. Пообщаться бы, как раньше... Плохо, что ли, раньше было?

Петрович просверлил его глазами, но предусмотрительно смолчал. Обколупал вареное яйцо и макнул им в соль.

Изот, вздохнув, добавил:

- Сволотун какой-то!

Петрович прожевал и рассмеялся ядовито:

- Колотун, наверное?

- Это у тебя, может, колотун, а у меня - другое... У меня, Петрович, злости не хватает. Это что такое? С мая месяца ждешь праздника, а они там, наверху, поганку людям гонят. Что за праздник без компании? Без демонстрации? Без марша? Отгулы, а не праздник! - он пальцем погрозило Петровичу. - Это все твои, парторг, вышестоящие товарищи! Они там куролесят!

- Три года уж, как не мои, - возразил Петрович. - Я, Изоша, после путча сразу понял: мне там больше делать нечего. В августе и вышел.

- Не вышел, а сбежал, - уточнил Изот. - Сбежали вы из партии, как крысы с корабля. Здорово тогда вас демократы шуганули! В штаны, небось, наклали?

Петрович оттопырил флегматичную губу.

- А на кой она тебе, эта демонстрация? Уж ты не "покраснел" ли?

- Покраснеешь с вами! Скорее, посинеешь... Вы все мне одинаковы - розовые, красные, синие, зеленые... Ваши заводили власть друг с дружкой не поделаят, а из-за их грызни собачьей человеку с человеком уже и в праздники не встретиться!

- Встречайся, кто тебе мешает? Ты же вот пришел!

- Я-то вот пришел!

- Вот и сиди, не заводись... С чего ты взерепенился? "Как крысы с корабля!" Я что, похож на крысу? - обиделся Петрович. - Ну, был в парторгах одно время, ну и что с того? Выбрали, и был. Работа как работа. "Как крысы с корабля!" - Он привстал и, накрутив на термос крышку, добавил укоризненно: - Поперешный ты, Изоша... Сколько тебя знаю, все б ты поперешничал! То на демонстрацию палкой не загонишь, то сам на площадь рвешься. Экстремист!

Изот кисло усмехнулся и взъерошил со лба волосы.

- Мне что чудно, Петрович? Ты пройди на площадь, глянь - ни души порядочной. Ни одной души! Пусто, как в пустыне!

- Так отменили демонстрацию, чего там делать-то сегодня? - подскокил Петрович, потеряв терпение.

- Дело ведь не в демонстрации, как ты не понимаешь? А еще в парторгах числился! - Изот опять загорячился. - Семьдесят шесть лет нас на площадь по команде, выходит, выводили? А сегодня - тоже по команде - ни один не вышел. Вот ведь как нас натаскали! Как собак, Петрович! "Встать!" "Лежать!" "Вперед!" "К ноге!" Как это назвать? Что это такое? Не нравится мне это!

В аппаратной зазвонил дежурный телефон, но Петрович не поторопился. Собрал в полиэтиленовый пакет остатки завтрака, ребром ладони на ладонь смахнул крошки со стола, сыпал в мусорную банку. Встал и потянулся. Глянул на часы.

- Нравится, не нравится - мое дело маленькое. Мое дело сторона, ну их всех там к дьяволу. Мудришь чего-то ты, Изоша. Дома выпить не с кем? Так и доложи. Давай сообразим, раз такое дело. Я, собственно, не против. Вот через час сменюсь...

Изот бросил на Петровича жалостливый взгляд и рывком поднялся.

- Дежурь, не заводись. Я пошел. Пора.

- Куда? - опешил экс-парторг.

- Домой. Ковры повыбиваю...

- Сам не знаешь, чего хочешь! - бормотнул Петрович.

Изот вышел, огляделся. Ни души на территории! Ни следочка в стороне от проторенной тропки! Телевышка в снежном опухении казалась призрачным видением: дотронься, и рассыплется на льдистые кусочки...

Изот шагнул с крыльца на тропку, но дух противодействия бродил в нем, искал выхода. Взгляд опять скользнул по вышке и задержался наверху, где раньше на флапштоке развевался флаг...

- Не нравится мне это!

В порыве злой решимости Изот вскочил в завхозову подсобку, выдернул из груди революционной атрибутики невостребованное нынче красное полотнище...

Когда Изот спустился с телевышки и, не различая лиц собравшихся в минуту на территории зевак, обил от ржавчины куртку и брюки, два подоспевших от ворот молодых омовца в аммуниции с иголки легонько взяли его под руки. Из подъехавшей "мигалки" вышел крепкий, как дубок, белолицый офицер и с готовностью открыл перед Изотом дверцу.

- В революцию играем? - ухмыльнулся он.

- Недоделки устраним, - кивнув на телевышку, ответил Изот Чагин. - Вот теперь порядок... Порядок, командир?

- Порядок-то порядок, но вышка ведь под облучением! Соображаешь, экстремист? Да и неприятностей теперь не оберешься!

- Но висит красиво?

- А висит красиво, - согласился офицер, но уже в кабине, предварительно захлопнув за собой дверцу.

1994

г.Ханты-Мансийск.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕТРАДЕЙ

Людмила ЕФРЕМОВА

С подружкой тайно от сестры
Мы примеряли до поры
Ее нехитрые наряды
И были перемена рады:
На платье - ту же пояска...
Слегка поднявшись на носок,
Перед трюмо две юных феи
Тянули тоненькие шеи.

Восторги былью поросли...
Свои одежды завели
И бегло смотрим в зеркала,
Вглядываясь недосуг - дела...
Но лишь меня счастливый миг
Там, в отражении настиг:
Угасшим радостям взамен
Я жду чудесных перемен...

г.Надым

Сергей ГОРБУНОВ

Поглядите, в чистом поле
Едет Толя на заборе.
- Толя, Толя, ты куда?
- Еду пугать провода
Да мотать в клубок дожди...
- Толя, Толя, подожди.
Мы с тобой поедем тоже,
Только сидя или лежа,
Ночью с дымом, днем с огнем,
Через год, когда помрем,
Через час, когда воскреснем,
Трезвым с матом, пьяны с песней,
К звездам задом наперед,
Чтобы помнил нас народ.

г.Тюмень.

Владимир ВОЛКОВЕЦ

Покуда птичий гам
Листва не заглушила,
Сверкает по утрам
Лед свежего настила.

Он ломко-леденцов,
Пока ивняк над кручей
От холода пунцов,
А ельник туча тучей.

Но прошлогодний лист
Покусывают травы,
Идут на страх и риск,
И нет на них управы.

Встает трава, и мне
В работе беспросветной
Достаточно вполне
Уверенности этой.

п.Советский.

Сергей ЕРЕМИН

Простой советский человек -
Жестокий дожидает век.
Он счастье строил много лет, -
В конце тоннеля света нет.

Поводырям поверил он,
За что долбит со всех сторон.
Дожив до старости такой,
Спешит убраться на покой.

Державе верно он служил,
Вождей лукавых пережил.
Ворочал думу по ночам:
Чем насолил он палачам?

Душой он чист - не убивал,
Он все терпел, за все страдал.
И вот - в неведенье простом:
За что он высечен кнутом?!

с.Викулово

Сергей ЛОМАКИН

ДОМ
Когда есть дом, -
в нем человек
обязан находиться.
Он может с кем угодно
в нем водиться,
писать стихи,
в мечтаньях раствориться,
бежать ли от него
или на него молиться.
Но об одном он должен
помнить в нем:
Что дар судьбы приходит
лишь на взлете,
а силы, вдохновенье
и подъем
дает тот дом,
в котором вы живете.

г.Тюмень.

ИЗОША ПОПЕРЁШНЫЙ

РАССКАЗ

дник же сегодня!

- Да, вроде, праздник и не праздник, не поймешь... Еще когда по радио сказали, что демонстрация не будет! Скажи, Иван? Ты слышал?

Сын подтвердил с набитым ртом:

- Угу... Сказали. Слышал.

Изот обвел глазами сына и жену.

- Вы мне пропаганду тут не разводите. Будет или нет, меня особо и не интересует. Праздник ведь не отменили? Сегодня - красное число? Вот и наливай, не нарушай традицию!

Жена со вздохом налила. Как бы отдалась подкачкой.

Изот, конечно, возмутился, хотя виду не подал. Как тут не возмутиться? Уж когда-когда, а в красный день календаря, будь то Первомай или Седьмое, она без рассуждений наливала стопку, еще и трешник на "общение" без промедления выкладывала. Он лихо опрокидывал законные сто граммов, хорошо закусывал и одевал Ванянку. Втыкал ему в петлицу бумажную гвоздичку, надувал шары, вручал флажок на палочке и шли втроем на площадь...

Свои сто граммов Изот Чагин и сегодня принял, но принял как-то с неохотой, буднично и вяло, как, случалось, с мужиками на бегу после рабочей смены, украдкой от начальства. Закусил соленой помидориной, поковырялся вилкой в сковородке и встал из-за стола.

- Так ты, Иван, со мной сегодня не пойдешь на площадь?

- Что я, коммуняка, что ли? - брезгливо отвернулся сын.

- Ишь ты, он не коммуняка! А я кто, по-твоему? Член политбюро? Секретарь парткома? Я тоже беспартийный.

- Ну и не ходи, никто тебя не гонит.

- Лучше бы от пыли ковры повыбивал, - встала жена.

Изот сорвал с вешалки курточку и шапку и повернулся к сыну.

- Он не коммуняка! Разве только коммунякам праздновать дозволено? А мы не люди разве? Ишь, пропагандист!

На центральной площади было стыло, неуютно. Несильный, но хватающий за нос и уши ветер кружил по голому асфальту обертки из-под "Сникерсов" и "Марсов", катал пивные банки. Перед коммерческим ларьком топталось несколько "крутых" в пятнистых камуфляжах да отирался забулдыга в истерзанной шинельке.

И - ни флажка, ни транспаранта. Ни букетика цветов к памятнику Ленину. Ни шарика воздушного! Впервые на его, Изота Чагина, веку власти отменили в городе революционный цвет!

- Не нравится мне это! - ударом каблука Изот сплюснул банку. - Хоть бы один коммуняка явился! Речугу какую толкнул! Цветы бы возложил! Все попрятались по щелям... Неужто праздника не жалко?

Волосатый забулдыга порывался в мусорном баке и медленно приблизился.

- Зема, папироски не найдется? - спросил он сиповатым прстуженным баском.

- Не найдется, зема!

- Чего такой сердитый?

- А оттого, что ходишь тут, такой мордovorот, охнарики стреляешь. Ходишь, унижаешься! Не стыдно? Работать надо, понял? Работать, а не попрошайничать!

Забулдыга не обиделся. Усмехнулся просто-душно, утер рукой щербатый рот.

- Тогда оставь хоть дернуть!

- Дернул бы тебе! - Изот сморщился и сплюнул, но сигарету протянул.

щую колонну, нестройными рядами преодолевал -обязательную часть - сотню метров через площадь мимо городской "верхушки" на трибуне - с возгласами "Слава!" и "Да здравствует!" и, что особенно забавляло Изота и жену, с троекратным рассыпным "Ура, ура, ура!". "Верхушка" в одинаковых шапках и пальто помаживала вяло черными перчатками и, стоя полубоком к шествующим массам, о чем-то меж собой переговаривалась. Но массы большей частью глядели не на важную "верхушку", а на задники ботинок вперед шагающих, дабы не отдавать тем пятки. На первом перекрестке, побросав в открытый кузов грузовой машины флаги и портреты, освобожденный персонал бросился врассыпную, группировался по компаниям и под звуки марша с площади расходился продолжать "общение"...

Изот через турникет прошел на территорию. В пристрое у завхоза было пусто. На обшарпанном двухтумбовом столе, переоборудованном под лежанку и верстак, - груды выцветших от времени знамен и транспарантов в надломанных подрамниках. В пlesenном углу - запыленные портреты подзабытых членов бывшего ЦК и Политбюро. Предусмотрительный завхоз внес их по привычке накануне праздника.

Входная дверь на телестанцию была приотворенной. Из аппаратной доносился шум включенных передатчиков. Дежурный инженер, экс-парторг Петрович, завтракал в бытовке. Он обернулся на шаги и отлебнул из термоса.

- Привет, Петрович! - гаркнул Изот сходу. - С праздником тебя! С семьдесят седьмой кровавой годовщиной!

Петрович поперхнулся и отставил термос.

- С этим и пожаловал?

Изот подсел к столу.

- Никого из наших не было сегодня?

- Не было... Зачем? Выходной же!

- Я думал, кто заглянет по привычке...

- Чего сегодня делать? Выходной сегодня! - повторил Петрович.

Знакомство.

Фото Ю. ЧЕРНЫШЕВА.

Михаил ЗАХАРОВ

Михаил Захаров яркий своеобразный художник. Его живописные работы не спутаешь ни с какими другими. В этом году наш земляк отметил свое пятидесятилетие, с чем поздравляя, редакция желает ему новых творческих свершений.

Но Михаил Иванович, на наш взгляд, пишет очень добротную прозу. Она подкупает знанием сельского быта, народного языка, точной изобразительностью. И со словом работает он как требовательный, совестливый художник.

Публикуем одну из прозаических "вещей" М.Захарова, как он сам пока определяет жанр своей прозы. И еще фотографии его живописных работ, привезенных художником с малой родины - из Уватского района.

ЧУЖОЙ ВЕК

Хозяйка нашего дома - живая добрая старушка. Живности у нее, окромя трех куриц, никакой. Летом целыми днями шебаршит она ботвой в небагатом своем огороде. Осенние же вечера тягостны. Ни света, ни радио, ни телевизора, одно вселенское одиночество.

Когда мы приезжаем, она искренне рада и, услышав наше присутствие за стеной, сейчас же появляется на пороге, широко улыбаясь беззубым ртом. Таким же широким жестом утвердит на столе бутылку самогона.

- Ну заждались, заждались!
После рюмки-другой разговор неизменно заходит о здоровье.

- Да како уж там здоровье, коль в чужой век забралась! А помнишь, Михайло, - оживляется она, - как я мазью змеиной намазалась у тебя?

Конечно, мы помним, и смешно, и грешно вспомнить. По причине того, что мой этюдник никак не удавалось втолкнуть в дверь, я оставил его в сенцах, и в тот раз так же было. Выйдя от нас повеселевшая старушка, обознавшись, вместо "Випросала" приватила с этюдника тюбик цинковых белил... Утром, показывая измазанный передник и руки, жаловалась: "Вот мазь у тебя вчерась взяла. Спину намазала, дак ведь не сохнет и не помогает. Это что ж токо?"

Посмеялись, да грустно как-то.
- Кака деревня была, боле ста дворов, а сейчас смотри!..

Вид заброшенного жилия родит ряд совершенно черных ассоциаций. Казалось бы, есть крыша, стены, есть и печь, а вот согреть некого!

- Вот нас с мужиком сослани в Березов, и за что, а? За то, что двенадцать стоговых вил имели да маслобойку, возьми ее лешак!

Маслобойка-то до сих пор валяется за оградой в крапиве, так себе кусок ржавого железа - камень преткновения в судьбе человеческой.

- Век вот прожила, а добра не вспомнишь. Ой, да че это мы все о плохом, да о плохом, - вспыхивалась она. - А змей в этом году! Я тут одну большушу да черну-черну видала, хотела палкой

ее хватануть, да забоялась!
Зная, что я панически боюсь этих тварей, она подмигивает моему другу и добавляет ехидно: "Она ведь в подпол к вам уползла".

- А тут ишло тако дело! - тычет она узловатым пальцем в крапиву за окном. - Курица там у меня нести задумала, так не поверишь?! Крысы... Одна ложится на спину, берет яйцо на живот, а другая ее ташит за хвост. Вот те крест, сама видала!

- Ты про медведя, про медведя нам расскажи.
- А про медведя, сичас! Дело-то было так. Мужик ишло был живой. Коровенку держали, да овечки были. Утресь Шишига-то мой похмеляться ушел куда-то. А я хлебы только высадила. Смотрю, около окна кто-то большой да черный прошел. Но, думаю, бэк это к корове моей повадился. А она стельна. В сенцы-то вышла с лопатой, дай-ка я тебя сейчас ослепшу по спине. Со слепую-то не вижу путем! Эдак лопатой-то норовлю, как бы половчее хряпнуть. А он обернулся, да как заревет! Господи боже мой, бэк-то медведем оказался. Я в сенцы-то этак задом, задом, а у нас там мешок с мукой лежал. Запнулась об его, да на спину, очки-то слетели, а лопата уж и не знаю где! Вошкаюсь там около мешка-то, как парализованная будто. А он, шайтан, лапами-то о порог уперся да и тарашится на меня. Дак загрыз бы, да ладно собачонка Чернышка на приступ взялась лаять, он за ней увязался, а я кое-как дверь нащупала, да за порог перевалилась. Много ли мало ли время-то прошло. Куда он ушел, не знаю. А потом Шишига-то мой завявился. "Ты че, - говорит, - старуха тут ползаешь". "Дак ме-ведь тут приходил". А он мне: "Это кто из нас похмелялся, ты или я?" "Вот выйди да посмотри, гряды-то все измял!" Вышел. Потом заскочил. Ружье схватил, да с крыльца два раза пальнул. А после на мешке с мукой спать устроился. Така вот история... Консервы-то ваши не едкие какие-то" Сичас за огурцами сбегая...

Заполночь, наговорившись, вышли мы на крыльцо проводить хозяйку. В густом тумане лаяла собака, повернувшись к лесу, и лошадь всхрапывала, прядая ушами.

- Ишь, собаки лают, зверь где-то близко ходит... Господь вас благослови на сон грядущий.

Я вышел за околицу, черно и таинственно горбатился лес. Из-за Шестаковки запламенело. В согре, окрасив туманы в розозое, выкатилась красная полная луна.

- Эй, кто там?!
Из-за реки трижды ответило эхо. Собаки перестали лаять и прибежали ко мне, улеглись, жадно хватая холодную росу. Тихо побрел я к дому, чувствуя на себе взгляд внимательных и пристальных глаз, и взгляд этот беспокоил и тревожил слегка, хотя я и знаю, что это глаза ночи.

Урюпино, 87

Памяти товарища

На пятьдесят седьмом году жизни скоропостижно скончался доктор химических наук, профессор, заведующий кафедрой общей химии Тюменского государственного университета Пнев Владимир Васильевич.

Владимир Васильевич был известным специалистом-теоретиком в области электрохимии, руководителем научной школы, подготовившим девять кандидатов наук. Это был высокообразованный человек, замечательный преподаватель; его лекции всегда привлекали студентов своей доступностью при всей сложности читаемых курсов. При этом он не ограничивался голым изложением программного материала. В лекции включались философские проблемы химии. Не мог Владимир Васильевич не касаться и вопросов текущей жизни. Принимал участие в работе общественной организации "Отечество", участвовал в создании областного общества Русской культуры и был его первым председателем. В.В.Пнев помогал становлению Тюменского казачества и был полковником линейного казачьего войска.

Он был принципиальным человеком, обладал умением, когда это необходимо, говорить "нет". Это, естественно, не облегчало его жизнь. В этом человеке постоянно горел внутренний огонь, который бередил его, не давал ему спокойно жить. Этот огонь и сжег его.

Говорят, что интеллигенция - это озоновый слой нации. Но, чтобы этот озоновый слой не исчез, в нем нужны активные точки, которые бы генерировали озон. Вот такой активной точкой русской нации и был патриот В.В.Пнев. Без таких людей нации не могут существовать.

Светлая память о глубоко верующем, православном Владимире Васильевиче Пневе останется на долгие годы в жизни людей, знавших его.

С. Г. АГАЕВ,
доктор технических наук, профессор Тюменского государственного нефтегазового университета, действительный член Нью-Йоркской академии наук.

В ПОДАРОК ДЕТЯМ

В нижевартовском издательстве "Приобье" вышла книжка стихов для детей "Открытки из Лукоморья". Автор ее Николай Смирнов. Это дар библиотекам города автора и торговой компании "Славтэк", обеспечившей это издание. Что может быть благородней бескорыстной помощи детям, приобщения их к миру сказки, чудес!

Писатель становится ровень со своими детьми Леной и Максимом, их друзьями, знакомит их с миром природы, зверями, птицами. А еще с книгами, что волнуют малышей. Есть раздел, посвященный даже Африке... Есть о чем прочитать. "Открыткам из Лукоморья" предшествовали детские книги Н.Смирнова - "Синий бор", "Мы с Димкой и другие", "Каравай", известные не одному поколению прежней пионерии.

Стихотворный сборник хорошо оформлен рисунками, фотографиями, живописными заставками.

В. ВАСИЛЬЕВ.

Фоторепродукция Ю. ФИЛАТОВА.

Несчастья котенка

развлеклись в дым.
Опять отправляются утром на дачу
И мама с порога желает удачи.
На даче приволье, на даче простор,
Не то что наскучивший

в городе двор.

Такой урожай,

что другим удивленью,

А все потому,

что внесли удобренью.

Довольны родители,

дети в восторге:

Варенья наварят!

Свое - не в коопторге.

Свое оно лучше, свое не в обузу,

Подполье на даче

доверху нагрузят.

Котенок летает по даче и мимо,

Так дача им всем дорога

и любима!

Как будто родная, живая, святая,

Быть может, поэтому

нет лучше края,

Чем северный наш

ельниковый, ольховый!

О нем еще скажут заветное слово,

Прославят детей и котенка на даче,

Который на грядках резвится

и скачет.

Прославят работу

и здешний простор

И даже наскучивший в городе двор.

В следующем номере опубликуем:

◆Подборку статей на тему: человек, общество, духовность. Говорят ученые Тюмени.

◆Материалы к 50-летию Великой Победы.

◆Стихи нижевартовца Валентина Авсянникова-Зяряского.

◆Вести из Русско-го Зарубежья.

Николай Смирнов

Открытки из Лукоморья
стихи для детей

Николай Смирнов

КТО ЗНАМИТ?

Котенок Ласка знаменит.
Он без просыпу днями спит.
Ночами без просыпу спит.
И тем котенок знаменит,
Что переспал волков и львиц,
Енотов и лесных куниц.
Он всех животных переспал,
Так Ласка знаменитым стал!

УЕХАЛА ЛЕНА

Уехала Лена. Какое несчастье!
Тоскует котенок без Лены
в несчастье,
Тоскует при солнце,
в жару и прохладу.
Зачем это надо? Кому это надо?
Никто не погладит,
никто не поймет,
Чуть что и дают от ворот поворот.
Тоскует котенок, сидит на балконе.
Машины спешат,
тополь ветки наклонит,

Качнет равнодушно

зеленою шапкой.
Ни шатко, ни валко,
ни валко, ни шатко
Часы убивают, часы уползают.
Когда же вернется, не ведает он.
Быть может, в пути
затерялся вагон?
Колеса торопят: скорей! Догони!
Без Лены пустые, бесцельные дни.

ЗАВЕТНОЕ СЛОВО

Приехала Лена, вернулся Максим,

Тюмень Литературная

Учредители: Тюменская областная писательская организация, коллектив редакции.
Газета зарегистрирована Министерством печати и информации РСФСР 29.10. 1991 г.
Регистрационное свидетельство №1248.

В издании газеты участвуют: коллектив редакции, Тюменская областная и Угро-Ямальская писательские организации, областное общество русской культуры, Тюменская Государственная страховая фирма "Росгосстрах", объединение русских кадет а Венесуэле и США.

Газета отпечатана в ИПП "Тюмень" с диапозитивов, изготовленных на компьютерном участке редакции газеты "Красное знамя".
Подписано в печать 25 сентября 1995 г.
Тираж 6000 экз.
Цена свободная.
Компьютерный дизайн и верстка Галины НАУМКИНОЙ.

Главный редактор Н.В. ДЕНИСОВ.

Рукописи не возвращаются, не горят и не рецензируются.
Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов материалов.

НАШ АДРЕС: 625002, г.Тюмень, ул.Осипенко, 19, Дом писателей.
Телефоны: 26-76-25, 26-55-72.